

КРУШЕНИЕ МАХОВА

О РОМАНЕ И. ШУМИЛОВА „ЖАЖДА“

Проторенными дорогами идти и легче, и труднее. Легче для простого путешественника, труднее для открывателя. Ему нужно увидеть что-то такое, что выпало из поля зрения ранее прошедших. Тогда дорсга имеет смысл. А писатель — всегда открыватель.

Роман И. Шумилова «Жажда» вышел в 1964 году. В нем изображается, как говорится в аннотации, «жизнь нового целинного совхоза». Читатель уже знаком с интересными произведениями, посвященными той же теме, но вышедшими гораздо раньше.

О замечательных людях, обживавших целинные края, ярко рассказали М. Бурбеннов, Е. Пермитин и многие другие. Но, как нетрудно заметить, в романе «Орлиная степь» главное внимание уделялось именно торжеству победы над целиной. Человек боролся с природой, рутинерами, перестраховщиками, всяким отребьем и выходил победителем. Целина была поднята, хлеб дан стране.

И. Шумилов рассматривает тему целины в ином ракурсе. В его книге тоже поля, тракторы, люди, работающие в целинном совхозе, которому от роду уже два года. Но внимание автора сосредоточено не на победе над целиной, не на выполнении этой грандиозной задачи, а на более тонком и сложном материале: изображении того, что мешало и мешает человеку быть лучше, прямее, человечнее. Победить целину проще, чем выкорчевывать зло, принесенное земле и людям в прошлом, в трудные 30—40-е годы, зло, которое продолжает давать рецидивы и в настоящее время.

Писатель назвал свой роман «Жажда». Жажду испытывают по-разному. У одного это жажда успеха, славы, желания возвыситься над другими; у другого — жажда труда на благо людей, человечности, справедливости.

Когда Мурашко вопреки решению дирекции передает знамя более достойной бригаде, его приветствуют как победителя. «Вот как получается, — улынулся Русаков. — Знамя завоевала бригада Воронова, а качают Алексея Мурашко...» Алексею пришлось многое передумать, пересмотреть свое поведение. Раньше он подчинялся директору, который из его бригады делал образцово-показательную, предоставляя ей лучшие возможности. Теперь Алексей решил бороться на равных возможностях, несправедливо присужденного знамени ему не нужно. «Мурашко был теперь таким, каким его давно уже не видел Ваня. С лица исчезли тени недовольства, сосредоточенной задумчивости, оно стало открытым, веселым». «Словно груз с себя сбросил, — подумал о друге Ваня. — Или... уголил какую-то жажду...»

Этот груз приходится сбрасывать многим и не всегда это легко сделать.

Многими эпизодами роман И. Шумилова уходит в прошлое, в те нерадостные годы, когда у многих колхозников пропала вера в завтрашний день. Только в романах С. Бабаевского послевсенняя деревня легко шагала от победы к победе. И Шумилов со всей ответственностью вскрывает эту горькую правду о прошлом. Одна из острых, подлинно драматических тем связана с образом старого колхозника Алексея Трофимыча Соснова. В райкоме партии происходит столкновение между председателем колхоза Сосновым и секретарем райкома партии Дегтярем. Все свои тесные думы выложил Трофимыч. И о том, что занижены цены за зерно, поставляемое государству, и о том, что сверхзадания выметаю даже семена из колхозных закромов и, выполнив их, колхоз весной берет ссуду у государства, влезает в долги. И о том, что нечем ему народ удерживать в деревне. «Но семена все-таки пришлось сдать. Правда, сдавал их уже другой председатель: Трофимыча исключили из партии. Кинулся было с жалобой выше, но там сказали: правильно наказан, таким в партии не место». А вель он как лучше хотел. Готов был принять любое наказание, чтобы только спасти семена для посева и не увеличивать долги колхоза.

Могут сказать, какое это имеет значение теперь, стоит ли об этом писать, когда партия решительно вскрыла ошибки, допущенные в руководстве сельским хозяйством? Стоит. Чтобы не повторять снова подобных ошибок, о них надо напоминать. И напоминать так, как пишет И. Шумилов.

Человек обиженный, оскорбленный в своих лучших побуждениях, как это случилось с Сосновым, способен падать все глубже, если нет у него поддержки. Пришло равнодушие. Потом заботы только о самом себе, о своем личном хозяйстве, потом «опасительный» самогон. Соснова ошеломила смерть Сталина, он никогда не думал, что Сталин может умереть, но и это не поколыхнуло его жизни на тихой мельнице. И Шумилов очень хорошо показывает, как человеку приходит мысль о полной его ненужности. Трофимыч никому не нужен. На мельнице со всеми летами вполне управится его старуха. Часто оно так и бывает, особенно после обильных возлияний... Все ждут перемен, а Трофимыч удивляется, почему люди за живое задевают новые решения по вопросам сельского хозяйства. Много решений видел он на своем веку, а лучше от них не становилось.

Вера начинает пробуждаться в его душе после того, как он тщательно проштудировал газету с решением Пленума. И первый результат, описанный несколько юмористически — это разрушение самогонного аппарата. Затем в таких же жизнедающих тонах дана сцена «омоложения» Трофимыча, когда он с шестилетней бородой расстает и со своим прежним неверием. Постепенно возвращается к жизни обитавший на всех, даже на партию, Трофимыч. Он идет в райком, просит восстановить его в партии, оставляет тихую мельницу, поступает на работу в совхоз.

Трофимыч всегда думает прежде всего о людях. До всего доходит его практическая, цепкая мысль. Ему есть дело и до домиков, которые строят для новоселов. Малы они для семейных людей. И до личного скота трактористов, которому нужно запастись сеном на зиму. И до состояния бригадной кухни, и до авторитета молодого агронома. Очень серьезно подходит он к безалаберному Виктору Орлову и его подруге Вере по-товарищески объясняя необходимость перевола Веры на прицеп. Достойно он разговаривает с директором, чувствует себя хозяином в совхозе, хотя он всего лишь управляющий одним из отделений. Он мыслит и, по его же выражению, пешкой быть не собирается.

В образе Трофимыча нет ничего от того деревенского старика, остряка и балагура, не знающего раздумий и сомнений, которыми любят «оживлять» произведения некоторые авторы. Настоящий день выстрадан герсем. Образ Соснова с большой симпатией обрисован автором и такую же симпатию он вызывает и у читателя.

Но гораздо больше внимания в романе И. Шумилова уделяется Игорю Ильичу Махову, директору совхоза. В жизни Соснова многое нелегко, но ясно до последней черты. Ясно и отношение к нему автора. В жизни Махова, в его характере пресбледает сложность, над многим приходится задумываться, многое не решено до конца.

Махов — фигура яркая, вызывающая интерес и даже симпатию. Он оперативен, на работе не щадит времени, хорошо знает хозяйство. Может, если надо, сделать анализ молока или определить характер поломки трактора. Когда осваивали целину, он вел первый трактор через реку, на которой лед уже был ненадежен, везде зияли

полюны. Когда прорвало плотину, таскает мешки, спасая склад с химикатами. Втайне он способен восхищаться героизмом старика Соснова, прокопавшего плотину, чтобы дать воду на мельницу. И судебного дела против Трофимыча он не поднимает. Махов готов подхватить все новое, действительно нужное совхозу, умеет быть душой компании, пошутить, спеть песню.

Но все эти несомненные достоинства Махова не приводят к любованию героем. Автор часто обращает внимание на то, что жизненное кредо Махова выражено в русской поговорке «Лес рубят — щепки летят». Было время, когда нужен был только нарубленный лес, на щепки никто не обращал внимания. И особенно горько, что в понятие «щепки» нередко включали и людей.

На фоне успехов Махова никто не давал себе труда задумываться о «щепках». Без малого половина людей ушла из совхоза, менялись руководящие кадры совхоза, снижался урожай. А журналисты, совершая свои набеги «за положительным опытом», писали только о достижениях. И Махов умело подсказывал им, с чем стоит написать. Журналистка Зорина объясняет поведение Махова словами: «Человек — всегда продукт своего времени». Она ищет ему оправдание, сравнивая с листком, попавшим в вихрь. «Винтом вьется пыль и уходит вверх, где-то там, в вышине, рассеивается, а снизу поднимается новая... Вот в этот вихрь угодил листок бумаги и тоже вьется, не в силах вырваться из него... Так и Игорь Ильич, как этот листок...» (стр. 128). Но читателя это не убеждает, и характер Махова остается для него неясным в течение долгого времени.

Истоки характера Махова автор вскрывает во второй части романа. И надо признать, что факты жизни героя многое объясняют. Сын героя гражданской войны, «красивый, с неистощимой энергией, веселый, сообразительный и способный», он был уважаем в институте. У отца был друг еще с времен войны, и Игорь «восхищался комкором и гордился своей близостью к нему». Избранный в комитет комсомола, он любил «продирасть с песочком», в райкоме его хвалили. Легко и хорошо Игорь учился, хотя ему и в голову не приходило, что ему часто делали скидку, учитывая его загруженность общественной работой. «Именно тогда Игорь поверил в свою светлую жизненную звезду».

Так формировался характер. Так росла самоуверенность.

Когда был арестован комкор, друг их семьи и отец любимой девушки, Махов собирался идти куда угодно, чтобы добиться истины. Правда, делает он это больше ради Аи. Он ждет за свой поступок «восхищения, любви, благодарности». Но большой начальник, к которому попал Игорь, долго допрашивал его и сказал назидательно: «А вы все-таки будьте благоразумны. Советую совершенно подумать над своим будущим и не кидаться, очертя голову, куда не следует. Без вас здесь разберутся». Особенно растерялся Игорь от совета «быть осторожным и прекратить всякую связь с семьей врага народа». Дома он пересмотрел и сжег бумаги отца, хотя и не нашел в них ничего предосудительного. С Аей расстался. Что он при этом чувствовал? «Радость оттого, что все кончено и он выходит из этой истории чистым? Но, может быть, это радость труса? К черту такая радость! Ах, как трудно иногда понять даже самого себя! Нет, эта радость — не от трусости. Это радость победы над своим чувством, над самим собой. Победы мужественной, идейной» (стр. 169—170). Изменив своим человеческим чувствам, Игорь прикрыл свою измену демагогическим утешением об идейной победе, о жесткости классового боя. Думается, что в этом большая удача И. Шумилова, который глубоко вскрыл истоки того страшного калечения людей, их характеров, которое появилось в годы лихолетья. Трусы, себялюбцы в ту пору приобретали броню — правильные фразы, высокопарные лозунги. И отсюда хромеет сравнение Зориной: человек не листик, уносимый вихрем. Стойкие люди не изменяли своим друзьям и товарищам, оставались верными себе до конца. И автор излишне обещает, говоря, что Игорь долго боролся с собой, со своим сердцем. Хотелось увидеть Аю, но побеждал рассудок. «На стороне сердца была молодость и присущая ей горячность, порывистость, — союзником рассудка было время» (стр. 170). Право, не стоит обвинять время за людскую подлость. Это же время не мешало настоящим людям верить в торжество ленинских норм жизни, в восстановление справедливости.

После окончания института Махов получил направление на работу в министерство. И опять-таки автор подчеркивает, что о заступничестве тестя, влиятельного

человека, Махов не знал. Все больше создавалась у него переоценка своих возможностей, уверенность в том, что он лучше многих. Это не вело к примитивному зазнайству. Махов много занимался, наверстывал то, что не постиг в институте. У него не возникает сомнений в своей значительности, он просто дорабатывает то, что отобрали у него заседания и совещания.

На фронт Махов ушел добровольцем, при переправе батальона сам вызвался на опасное задание, потом был ранен. А после госпиталя снова вернулся в министерство. Махов не бездельник. Работая инспектором, он забирается в глушь, вникает во всякие мелочи, но его главная задача — наказать бракоделов, дать разгон и завести ферму, и бригадиру, и трактористам. И снова автор словно оправдывает своего героя: «Суровое время — суровые нравы». Не время суровое, а порочная практика руководства — следовало бы говорить. В этом была бы истина. Разве же в то время не нужна была людям помощь, внимание, человеческое отношение? И разве всего этого так уж и не было совсем нигде?

Стремясь оправдать Махова, автор излишне сгущает краски, тем более, что Махов дается один, никакой другой работник не сопоставлен с ним и не противопоставлен ему. Директор соседнего совхоза Храмов выступает в романе в роли затененного антипода: и со свеклой у него справляются, и урожай собирают, и пашут вовремя, и люди от Махова идут в соседний совхоз. Но сам Храмов, его стиль работы в романе не обрисованы. Речь идет не о том, чтобы все было разложено по полочкам, чтобы каждого «плохого» уравновешивал «хороший», а о том, что писатель обязан раскрыть подлинную правду жизни. Автор как будто бы и сам понимает это. Один из его героев, секретарь обкома Пругов, говорит: «Мы все работали в то время, но не все мы такие, как Махов. Значит, характер — это не только способность впитывать хорошее, но и способность внутренне сопротивляться... дурным влияниям». Автор убедительно показал, почему Махов не может сопротивляться дурным влияниям. Так зачем же это излишнее желание как-то реабилитировать Махова, делать скидку на время?

Взлет Махова, его «славная миссия» быть «очистительной грозой» закончилась в 1953 году. Его не настолько даже огорчило понижение в должности, сколько испугало то, что он может стать «одним из бесцветных, почти игрушечных человечков». Он пытается счастья на конструкторском поприще, достигает некоторого успеха и вскоре получает предложение создавать крупный целинный совхоз. И слава приходит к Махову. Заботу о человеке, внимание к нему, право человека иметь свое мнение и отстаивать его Махов считает просто красивыми словами. Секретарь райкома партии Чернаков, с которым Махов постоянно пикируется, очень правильно рассуждает: «Если кто начинал выступать против директора, то районные работники спешили на выручку критикуемому, оберегали его от критики, боясь подрыва директорского авторитета. И он, Чернаков, к этому руку приложил. Тоже защищал когда-то Махова, брал под свое крылышко, как насадка цыпленка. Этот «единый фронт» против критики снизу, защита «чести мундира» — не есть ли это трусость? Оказывается, мы, районные работники, сами вспаиваем и вскармливаем Маховых. Как-то привыкли к этому издавна.» (стр. 251).

Как берет Махов обязательство засеять 200 гектаров свеклы? Пока говорят другие, пока они берут скромные обязательства, он держится в тени. Он не только прикидывает в уме возможности своего совхоза, но и ждет выступления своего вечного тайного и явного соперника Храмова. Создается впечатление, что для Махова важнее всего выдвинуться, обогнать соседей. И свое залихватское обязательство Махов подкрепляет ссылкой на то, что «партия, государство и народ не милостыни от нас ждут». Цифра, названная им, огромна, но в президиуме благосклонно кивают головами. Махов понимает ценность трезвых расчетов главного агронома совхоза Петрова, который предлагает сократить план посева свеклы наполовину. Но Махова подстегивает мысль, что он не хуже соседа, и он привычно успокаивает свою тревожащую совесть: мобилизую, нажму, все дело в организации. Такими же словами оперировал и Дегтярь, когда требовал от Соснова сдать все зерно по дополнительным поставкам. И хотя сам директор ретиво работает на прополке свеклы, сласти удается только половине посеянного.

Образ Махова интересен и поучителен. Думается, что он вызовет споры и серьезные обсуждения. Можно в чем-то соглашаться с автором, но жизненная досто-

верность подобного героя несомненна. И хорошо, что И. Шумилов не последовал соблазнительному примеру некоторых своих собратьев по перу и не показал в романе, как «перековался» его герой. «Да, освобождение от старых наростов идет с болью, с кровью. Но это все-таки — выздоровление. А потом надо помнить, что это не вина Махова, это его беда».

Трудно, ох, как трудно менять свое поведение людям, подобным Махову. Изменится ли он? — спрашивает автор. И по роману Шумилова можно сказать, что если Ведерниковы и Сосновы будут прямо говорить о его ошибках, если Алеша Мурашко не позволит, чтобы из него «делали икону», не захочет легкого успеха, приносящего славу директору, если Зорина и другие журналисты будут говорить в газетах правду, а не заниматься только захваливанием, и много других «если»... то процесс изменения характера Махова сможет ускориться. А в романе И. Шумилова эти «если» уже есть, хотя Махов и в конце произведения еще не сдал прежних позиций.

Хочется отметить, что не все равноценно в романе И. Шумилова. На мой взгляд, автору больше следовало бы подумать над композицией произведения. Роман перегружен действующими лицами. Каждый из героев по-своему интересно намечен, но характеры их не всегда убедительно раскрываются. Так, с первой же главы на читателя обрушивается целый поток имен героев, очень бегло очерченных, и из этого хаоса читатель выбирается постепенно, отмечая второстепенных героев, выделяя ведущих. (Вторая часть романа в этом отношении кажется построенной более удачно). Множественность героев ведет к поверхностности изображения, непродуманности поступков и поведения отдельных из них.

«Экзотичен» и малоубедителен свободный художник, пьяница Дмитрий Шелест с его мировой скорбью, навеянной атомным веком. Да и вся история Шелеста и Татьяны, их любовь, их страдания изображены автором прямо в роковых красках. Слишком неглубоко здесь проникновение в человеческий характер, заметен налет какой-то дешевой драматизации. Тем более это бросается в глаза, что тут же, рядом, автор очень хорошо показывает нелегкую судьбу Виктора Орлова, его мятарства, погоню за легкими деньгами, срывы, взаимоотношения с Верой и постепенное ощущение в себе человека. О прошлом Виктора мы узнаем только то, что он вернулся после амнистии. Для экзотики тут материала было, несомненно, больше, но автор увидел в Викторе неплохого человека, шел же от заданной схемы, как в случае Шелеста, не рассказывал о своем герое, не навязывал читателю своих объяснений, и герой получился живой и по-своему интересный.

Большого сатирического заострения требовал образ секретаря комсомольской организации совхоза Петра Дроздова, но он так и остался героем второго плана.

Неравноценно мастерство писателя и в изображении отдельных героев. У И. Шумилова уже выработался определенный путь в изображении героя, и этот путь хорошо прослеживается: краткая характеристика, внешнее впечатление, потом рассказ о человеке, потом подробное описание портрета... Право автора выбирать те или иные приемы оспаривать не приходится. Но стоит посмотреть, всегда ли они удачно используются.

Следует сказать, что И. Шумилову удается искусство владения деталью. Взять, например, приемник, который служит важным моментом в характеристике старика Соснова. Приемник заглох, кончилось питание у батарей, порвалась связь с внешним миром. И даже гудрон из заглохших батарей Гурьевна, жена Соснова, выколотила и использовала на заливку бочек. Лучше не скажешь. Но меняется многое в жизни, снова возникает интерес к миру, сын привозит новые батареи, приемник извлечен из кладовки, очищен от пыли. «И снова в низенькую избушку стариков вошел большой мир» (стр. 51). Так же удачно использован фотоаппарат, с которым не расстается Махов, автопогрузчик, которым хвастал Махов и который он не показал секретарю обкома, потому что стоял погрузчик возле «подушки» — горы загубленного хлеба.

Но часто автор пользуется слишком общими красками, которые не убеждают читателя. Особенно при обрисовке женщин. Дина Махова — «высокая черноглазая стройная девушка»... «красивая»... «с огромной черной косой». Глаза у нее круглые и очень живые, точно нарисованные черной тушью и покрытые лаком. Как бы ни восхищался автор, трудно ему поверить, потому что образ оказывается неоправданно

усложненным. Тушь и сама отликает блеском, зачем же еще лак? Что-то много всего получается. А у Татьяны глаза синие-синие, напоминающие цвет неба. Тоже не создает определенности. Небо имеет массу оттенков. Что именно хотел сказать автор? И кажется, что подвел его литературный штамп «глаза как небо». Та же Татьяна описывается автором в таких словах: «высокая, гибкая, с длинными желтыми косами, с бледным лицом, на котором мерцали большие глаза» (стр. 230). И дальше автор сообщает, что Алексей Мурашко, влюбленный в Татьяну, даже боится ее красоты и когда она близко, он старается не смотреть на нее. Вообще о многих героях сказано, что они красавцы и красавицы, но эти слова просто мелькают перед читателем, не создавая образа.

Чувствуется, что автор немало поработал над языком своего романа, но огрехи, к сожалению, остались. Иногда это неоправданные уточнения: «языком облизывал губы», как будто губы можно облизать еще чем-нибудь, кроме языка. Иногда неточное использование слова: Мишка Глухарь... «облапал Трофимыча и начал тискать с пьяной силой до хруста в костях» (стр. 188). Обычно в подобной ситуации употребляют слово «облапил». Пьяный Шелест сидит за столом в «ночной рубашке». Наверное, имеется в виду все-таки нижняя рубашка. «Она чистая, строгая, — с любовью подумал он, чувствуя себя виноватым и желая скорее раскаяться перед ней» (стр. 240). Если он почувствовал себя виноватым, он уже «раскаялся», и перед ней ему можно только «покаяться» в своем поступке.

Иногда слово или сравнение просто неудачно выбраны автором. Например, «Глаза были мягкие, влажные, добрая улыбка застряла в их уголках». Неудачно сравнение голоса Гурьевны с иерихонской трубой. Несомненно, что автор симпатизирует этой простой деревенской женщине. И когда она выводит песню, а автор сам говорит, что пела она хорошо, явно не следует разрушать образ, сравнивая пение героини с ревом, разрушившим стены древнего города в Палестине по библейскому преданию. Не верится, что Трофимыч, который употребляет слово «стекла» вместо слова «очки», мог бы сказать, что в газете с решениями по вопросам сельского хозяйства много «чтива». Слово это сугубо из интеллигентного мира и никак не обозначает количество напечатанного, а говорит об отношении к качеству. У героя же вопрос возник именно в количественном плане, поэтому он и просил газету домой из библиотеки.

Есть и неточности. Так, телеграмма, осуждающая затею Махова с отправкой эшелона хлеба прямо в Москву, все-таки была, наверное, послана в райком, потому что в ней содержалось предложение обсудить действия Махова на бюро райкома. А копия предназначалась Махову. В романе же наоборот: телеграмма Махову, копия райкому (стр. 29). Или, отстраняя агронома Петрова от работы за то, что свеклу сеяли на плохо обработанном поле, Махов приказывает ровнять поле грейдерами. О грейдерах же говорит и парторг Белов, повторяя слова Махова. Но в начале первой части 17 главы автор сообщает, что на свекольной плантации работают два скрепера. Позже Махов опять говорит, что поле разравнивали грейдерами. Кому верить?

Думается, что многие погрешности могут вполне быть исправлены автором при последующих изданиях, и от этого его хорошая книга только выиграет.